

слевоенного творчества, временем рождения любви к прекрасному в облике послезавтрашной, послевоенной России. По признанию поэта, в «сорок скверном году» он «полюбил Россию послезавтра, / Которая всех лучше будет стран».

В своих послевоенных путешествиях по родной стране Г. по-своему постигал ее красоту, какой она открывалась ему в природе европейской и азиатской частей России, в будничной повседневности, в древних былинах («Алеша Попович» и др.), в жизни и творчестве живописцев и зодчих (поэма «Юность Рублева» и др.), в подвигах землепроходцев (поэма о Хабарове «Ерофей Павлыч» и др.). Интерес к национальному худож. и духовно-нравственному наследству, к его связям с настоящим, с совр. российской жизнью, обострился после Великой Отечественной войны и нашел свое отражение во мн. произведениях советской лит-ры и искусства, причем у каждого художника по-своему. О своей связи как поэта с этим прошлым Г. рассказал в стих. «Мужик». Образ мужика в этом стих. обобщенный, но в нем запечатлены дела и творения конкретных русских «мужиков» разных времен — от древних до начала 1950-х, в обстоятельствах которых поэт изображает и самого себя. Он — «очень невезучий человек», но он «возлюбил поэта мастерство», которое делает его счастливым творцом простых и хороших стихов. И он в полемике с некоей ученой особой, кичащейся своей сложностью, заявляет: «Чтоб так же, как деревья и трава, / Стихи поэта были хороши, / Умело надо подбирать слова, / А не кичиться сложностью души. / Я к сложным отношеньям не привык. / Одна особа, кончившая вуз, / Сказала мне, что я простой мужик. / Да, это так, и этим я горжусь. / Мужик велик. Как богатырь былин, / Он идолиц поганых погромил, / И покорила Сибирь, и взял Берлин, / И написал роман „Война и мир“! / Правдиво отразить двадцатый век / Сумел в своих стихах поэт Глазков, / А что он сделал, сложный человек?.. / Бюро, бюро придумал пропусков!»

В полемике с показной «сложностью», скрывающей внутреннюю пустоту и примитивность души, Г. утверждал в своей поэзии такую простоту и правдивость, глубокую искренность и непосредственность, которые для него были равнозначны гениальности. В одном стих. он употребляет как синонимы слова «просто, гениально». Простоту и красоту, например, Тамбова («Старый Тамбов») или реки Лены-красавицы («Такая это красота!..») он почти не живописует, а в основном

передает свои чувства и ощущения (как правило, жизнерадостные), которые она у него вызывает. Г. часто подчеркивает, что его, в отличие от Пушкина, больше восхищает лето, летняя жара, чем зима с ее холодами (см., например, стих. «Мороз и солнце», «Мой календарь» и др.). В стих. «Александр Блок» Г. пишет о том, что и автору «Двенадцати» красота «прекрасной дамы» являлась в простом облике «незнакомки» (с маленькой буквы у Г.) и Катьки. Простота — и в поэтической речи Г., имеющей преимущественно разговорный характер. Разговорчивость Г. генетически связана с разговорным характером поэтической речи футуристов, только у Г., в отличие, например, от Маяковского, разговорность не трибунная, а просторечная, похожая на разговорную речь раешника. И стих Г. в основе своей раешный. Путешествуя по городам и весям России, Г. рассказывает об их красоте языком раешника, так, как раешник комментировал картинки в райке. Только речь Г., включающая в себя традиционные иронию, сатиру, парадоксальные афоризмы, обновлена открытиями футуристов: она содержит в себе и отголоски пафосности Маяковского, и неологизмы в духе Хлебникова, и др. приметы авангардистской поэтики.

Соч.: Избранные стихи / вступ. статья Н. Старшинова. М., 1979; Автопортрет: стихи и поэмы. М., 1984; Стихи, поэты, время... Из лит. записок и воспоминаний // Юность. 1985. № 3; Григорий Распутин: Трагикомедия в одном действии. Из походов Великого Гуманиста и другие рассказы // Октябрь. 1992. № 1; [Самые мои стихи]. М., 1995; Я поэт, поэты — боги... // Вопр. лит-ры. 1992. № 2.

Лит.: Гордин Я. Пятая книга: [рец.] // Звезда. 1967. № 7; Кожин В. Простота и упрощенность // Лит. газ. 1970. 11 февр.; Ковалев Д. О двух поэтических лицах: [О В. Семакине и Н. Глазкове] // Поэзия: альм. Вып. 20. М., 1977; Евтушенко Евг. Скоморох и богатырь // Лит. Грузия. 1971. № 7; Самойлов Д. У врат Поэтограда // Лит. газ. 1980. 25 июня; Воспоминания о Николае Глазкове. М., 1989; Достян Р. ...но мне не дали досказать! // Лит. Россия. 1988. 8 июля; Шеханова Т. Слово, равное изобретению // Поэзия: альм. Вып. 53. М., 1989; Шерешевский Л. Поэтом стать мне удалось... // Книжное обозрение. 1989. 26 мая; Перемышлев Евг. Николай Иванович Глазков — Великий Русский Гуманист и Путешественник // Октябрь. 1992. № 1.

М. Ф. Пьяных

ГЛИНКА Глеб Александрович [1903, Москва — июнь 1989, Кэбот, штат Вермонт, США] — поэт, прозаик, критик.

Г. родился в небогатой дворянской семье с давними культурными традициями, с детства его окружала лит. среда. Его отец, Александр Сергеевич Глинка (псевдоним — Волжский) — родом из Симбирска, учился на юридическом ф-те Московского ун-та, был связан с радикальным движением молодежи, за что был выслан под надзор полиции (Симбирск, Самара).

Глинка-отец занимал видное место среди русских критиков начала 1900-х, печатался в ж. «РБ», «Вопр. жизни», «Ж. для всех» и др. В советское время выступал как ред. и комментатор сочинений А. П. Чехова, Г. И. Успенского. Умер в Москве в 1940.

Глеб Глинка рано начал писать стихи. После окончания средней школы в Москве поступил в известный в 1920-е Высший лит.-худож. ин-т им. В. Я. Брюсова (ВЛХИ). Окончил его в 1925. В своих позднейших стихах, уже в эмиграции, писал об этом времени: «Среди марксистской шелухи, / В эпоху примитивных вкусов / Меня учил писать стихи / Валерий Яковлевич Брюсов». Единственная изданная на Родине книга стихов Г. для детей «**Времена года**» вышла в 1926 (повторно — в 1929). В автобиографии Г. писал: «До 1928 года писал стихи, затем рассказы, повести и очерки» (сб. «**На перевале**»). Г. печатался в советских ж. «Красная новь», «Новый мир», «Молодая гвардия», в горьковском ж. «Наши достижения» и др. Выпустил несколько книг прозы («**Израцовая печка**», 1929; «**Эшелон опаздывает**», 1932; «**Истоки мужества**», 1935; «**Палово-на-Оке**», 1936); среди последних его публикаций в советской печати — рассказ о деревенском самоучке-резчике из лесного Семеновского р-на Антипе Ершове (1937).

Как очеркист Г. много путешествует. Он участвовал в дальних научных экспедициях на Полярный Урал, на Северную Сосьву; был на Васюгане и Тyme. Это свидетельствует о том, что лит. способности молодого писателя были активно востребованы на рубеже 1920–30-х.

В своих очерково-документальных книгах Г. выступает как достоверный, наблюдательный повествователь. Портреты людей, их судьбы показаны в книгах Г. с наибольшей возможной в тех обстоятельствах правдой, внимательно и увлеченно.

Может быть, главным событием в писательской биографии Г. в 1920-е и в первой половине 1930-х было участие в лит. группе «Перевал», создателем и духовным руководителем которой был А. К. Воронский. Впоследствии Г. писал: «С большинством из пере-

вальцев был в самых приятельских отношениях, но в организационной работе „Перевала“ непосредственного участия не принимал». Слова эти взяты из сб. «На перевале» (Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1954), который появился на свет в результате огромной работы Г., сделавшего в эмиграции все, чтобы вернуть в лит. память репрессированный, вычеркнутый из отечественной лит. истории «Перевал» и его главных участников — А. Воронского, И. Катаева, Н. Зарудина, Б. Губера, А. Лежнева и др. Эта работа Г. заслуживает большой благодарности. В сущности, подготовленная им своеобразная антология «Перевала» стала одной из первых книг «возвращенной» лит.-ры.

Среди «первальцев» Г. был одним из самых стойких, пройдя весь путь этой талантливой и мужественной группы, не изменяя ее принципа личной творческой свободы, глубокого познания жизни, «искусства видеть мир», по выражению А. Воронского. После насильственной ликвидации «Перевала» (как и всех остальных лит. группировок) в начале 1930-х Г. остается в дружеских связях с его участниками, продолжая свою работу в русле «перевальских» уроков. В то же время Г. — один из немногих «первальцев», кого не коснулись непосредственные жестокие личные репрессии.

В конце 1930-х Г., по его словам, «имел кафедру в Литературном институте и в Московском университете, читал лекции по теории литературы и вел практические занятия по теории стиха и художественной прозы. С 1934 г. был старшим консультантом в издательстве „Советский писатель“, редактировал сборники молодых авторов» (из статьи Г. в сб. «На перевале»).

В 1941 Г. добровольно уходит на фронт. Был ранен, попал в плен. Выжил. Находился в концлагере в Польше. С 1944, после освобождения, остался на Западе. Жил в Германии, затем в Бельгии, где в Брюсселе работал скульптором. Позднее перебрался в Париж. В конце 1940-х переехал в США. Последние десятилетия жизни Г. провел в штате Вермонт, неподалеку от жившего там А. И. Солженицына.

После многолетнего перерыва выпустил в 1968 книгу стихов «**В тени: Избранная лирика**», в которую включены стихи 1923–28 и 1953–68. В своей поэзии Г. оставался верным традициям русского поэтического слова — выразительно-острого, исповедально-искренного, не чуждого горькой иронической интонации. Все эти годы и десятилетия Г. был духовно связан с родной страной,

жил памятью о ней, всем сердцем разделял ее судьбу. Живя там, на Западе, он, как и большинство русских лит. эмигрантов, все равно чувствовал себя на чужбине. Вот несколько строк из его стихов того времени: «Все невпопад и не под стать. / Бессмысленно и грустно / Стихи в Америке писать. / В чужой стране — по-русски». Эти настроения не покидают Г. до конца его дней: «Многое было, бывало. / Сердце, должно быть, устало / От безысходности всех / Чайний, бед и утех». В отзыве Ю. Иваска на сб. «В тени» отмечалось: «„Молодые стихи“ его хорошо сделаны: он учился версификации у Брюсова <...>. Но все поздние стихи лучше, значительнее, оригинальнее, если сравнивать их с ранними. По вкусам своим Г. скорее консервативен <...>. Он отдает предпочтение точным рифмам и метрам, испытанным временем и опытом. Но никак нельзя сказать, что пишет он „по старинке“. В его поэзии есть четкость: рисунок резкий, а тон суховатый, иногда жесткий, даже „жестокий“. <...> Глинка сам по себе — с ему одному присущими интонациями, с причудливой игрой слов, понятий. <...> Достается в его стихах нашей эпохе. Обвинения Глинки оправданы». (Ю. Иваск. Новый ж. 1968. № 92. С. 295–296). Ю. Иваск отмечает также близость Г.-поэта поэтической публицистике И. Елагина.

В США Г. мн. годы продолжал лит., в т. ч. и преподавательскую работу: читал лекции в колледжах и ун-тах, публиковал статьи о лит. жизни, в т. ч. советской (в журналах русской эмиграции «Вестник РСХД», «Время и мы», «Новый ж.», «Континент» и др., в альм. «Содружество», газ. «Новое русское слово», «Русская мысль» и др.).

Разные источники сообщают противоречивые сведения о принятии Г. американского гражданства; в частности, сын Г. Глеб утверждает, что этот шаг писателем не был сделан...

Как писал Виктор Леонидов в статье, посвященной 10-летней годовщине смерти Г., «он продолжал до последних дней напряженно работать <...>. И, конечно, очень хотел вернуться в Россию своими стихами» (В. Леонидов. Русская мысль. 1999. 5–11 марта).

Этого, к сожалению, пока не произошло: в отечественных библиотеках книг Г. (не только изданных в России, но и заокеанских), в сущности, нет (за вычетом двух-трех крупнейших библиотек России), в т. ч. и его книг, изданных в 1920-е и 1930-е. Лишь в самом конце 1990-х в Москве Музеем Марины Цветаевой была издана — очень маленьким тиражом — единственная книга Г. **«Собрание стихотворений»**.

Как поэт оригинальный и глубокий, Г. был высоко оценен такими авторитетными литераторами Русского зарубежья, как Роман Якобсон и Иван Елагин. Публичные выступления Г. к концу 1980-х становятся по состоянию его здоровья все менее активными. В одном из некрологов сообщается: «Летом 1986 г. на литературном вечере в Русской летней школе в Норвиче Г. выступил — в последний раз перед публикой — с чтением своих стихов» (Первушин Н. Новый ж. 1989. № 176).

Соч.: Времена года. М., 1926; То же. М., 1929; Изразцовая печка. М., 1929; Эшелон опаздывает / в соавт. с Б. Губером. М., 1932; Истоки мужества. М., 1935; Павлово-на-Оке. М., 1936; На путях небытия // Новый ж. 1953. № 35; О себе // Содружество. Нью-Йорк. 1966; В тени: Избранная лирика. Нью-Йорк, 1968; Было завтра. Нью-Йорк, 1972; Книга стихов / сост. Глеб Глинка-сын, послесл. Н. Коржавин. Нью-Йорк, [б. г.]; Собр. стихотворений. М.: Музей Марины Цветаевой, 1997; Погаснет жизнь, но я останусь: собр. соч. М.; Томск, 2005.

Лит.: Елагин И. Косой полет // Новый ж. 1967. № 88; Иваск Ю. Глеб Глинка. В тени: Избранная лирика // Новый ж. 1968. № 92; Первушин Н. Памяти ушедших: О поэте Глебе Глинке // Новый ж. 1989. № 176; Некролог // Новый ж. 1989. № 177; Леонидов В. Был он автор, был поэт... // Русская мысль. 1999. 5–11 марта.

В. М. Акимов

ГЛИНКА Михаил Сергеевич [27.5.1936, г. Старая Русса] — прозаик.

Потомок старинного дворянского рода, представителями которого были видные деятели культуры, искусства, управления и военного дела. В его родословной — композитор М. И. Глинка, литераторы С. Н. и Ф. Н. Глинки, первый профессор-филолог из дворян Г. А. Глинка. Отец — специалист по военному коневодству, работал на Северном Кавказе. Мать преподавала иностр. языки. Школьные годы провел в Кологриве, затем в Ленинграде. Окончил Нахимовское военно-морское училище (1954), Высшее инженерное военно-морское училище в Ленинграде, Высшее военно-морское инженерное училище подводного плавания в Севастополе (1959). В 1959–65 служил на флоте и работал в науч.-исследовательских учреждениях АН СССР.

Первый рассказ **«Шлюпки»** опубликован в «Звезде» (1964. № 11). Спокойный, естественный стиль его письма, тонкое чувство слова вызвали интерес именитых литераторов к начинающему писателю. На страни-